

Валентина Осколкова

Иллюстрации Елены Станиковой

Тоска Онуфрия

Онуфрию тоскливо. Может, фаза луны такая, а может, сожрал чего несвежего. Кошка ли была в той шаурме, крыска ли, свинка морская из соседнего зоомагазина?

Мается Онуфрий, грустит, жалко ему это ли кошку, то ли крыску, то ли свинку морскую и шаурмечника жалко, уехавшего со своей солнечной родины в этот серый город на заработки, и в целом, абстрактно мир таким несправедливым кажется, что хоть волком вой.

Вить Онуфрий себе не дает, твердо зная, что нет у него ни слуха, ни голоса, — вот и еще один повод для грусти, то ли собственной, а то ли соседей снизу.

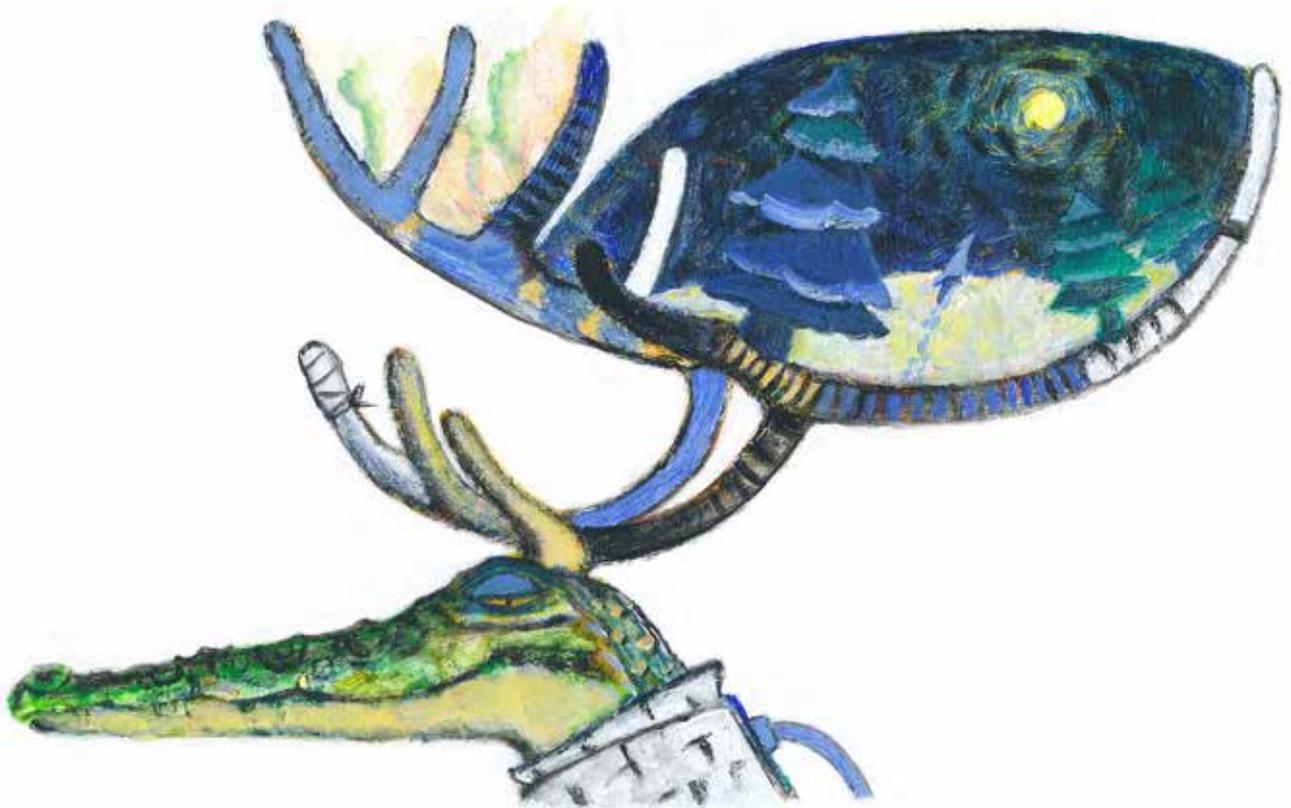
Но более всего грустно ему от своей природы двойственной, непонятной и непонятой. Ну как такому самореализоваться? Вроде и человек-то по всем параметрам, вон, посмотришь в зеркало — человек человеком, самый настоящий, а в душе что?

В душе у Онуфрия — снег искрится так, что аж слезы воображаемые на глаза наворачиваются, посвистывает где-то вдали птичка-малиновка, ели темные, иссиня-зеленые ввысь свои верхушки вздымают, и бежит меж ними, плутая, цепочка заячьих следов — беги, косенький, беги, ты воображаемый, бояться нечего...

Тут Онуфрий встает и идет на кухню, плотно занавески задергивает, чаю заваривает черного, крепкого-крепкого, горького-горького — как водица болотная; как совесть начальника, что все проблемы на Онуфрия сваливает и зарплату опять задерживает; как тоска непроглядная, что в душе повисла и висит, что тот смог над городом.

К чаю Онуфрий достает шоколадку с малиной сублимированной, томик Стругацких про жука в муравейнике и немножко надежд, что завтра все переменится. Луна на убыль пойдет, шаурмечник на побывку в родной дом вернется, кошка с крыской и свинкой морской благополучно избегнут своей участи, а начальник ногу сломает и станет для него Онуфрий незаменимым любимым сотрудником.

— Онуфрий, друг мой, ты отпуск брать не пробовал?

Вошедший сквозь стенку смотрит на Онуфрия сочувственно и понимающе. Рога у него олени, морда крокодилова, но в целом-то юноша приятный, Онуфрий его не первый год знает.

— Какой отпуск, — тоскливо вздыхает Онуфрий, — если я на работе по-человечески самореализоваться никак не могу?

— Ну ты это тут кончай, — хмурит гость свою крокодилью морду, отламывая кусок шоколадки с малиной. По-хозяйски достает вторую кружку, наливает себе чаю, открывает томик Стругацких, качает головой, так что рога лампы задевают, и закрывает обратно.

— Тебе легко говорить, — опять вздыхает Онуфрий. — Ты монстр, все тебе можно. Хочешь — людей в метро пугаешь, хочешь — сквозь стены ходишь, хочешь... — он провожает взглядом очередной кусок шоколадки, — у друзей чем хочешь угощаешься. И никакие людские правила тебе не указ.

— Друзья для того и существуют, — наставительно возражает монстр, — чтобы был чай с вкусоностями. Ну и еще по мелочи... Так что собирайся, друг мой, ты идешь в творческий отпуск, и немедленно. Начальника твоего я на себя беру, отпустит, вот увидишь, еще и премию выпишет.

Взгляд у Онуфрия становится робкий и растерянный, как у дворового щенка, которого в дом позвали.

А монстр идет к окну и, прежде чем Онуфрий успевает возразить что-то про фазу луны, шаурмечника, кошку, крыску и свинку морскую, — раздергивает занавески во всю оконную ширь.

Луна заливает светом кухню беспощадно, но ласково. За спиной у монстра раздается сопение и робкое поскуливание.

Обернувшись, монстр хватает волка за шкуру и отбывает, как пришел, через стенку — с пятого этажа и прямо в Битцевский парк, подальше от МКАДа. Снег там искрится под луной так, что слезы на глаза наворачиваются, и ели вздымаются, все как положено.

Волк сидит на снегу минут пять обескураженно, а потом поднимает морду к луне и издает первое, неуверенное «Ву-у?»

Из соседней снизу в Битцевском парке только кроты — и те по норам сидят и возражений в целом не имеют.

Луна смотрит на волка поощрительно, и тот, набрав в грудь побольше воздуха, выдает уже куда более уверенную руладу.

Монстр одобрительно кивает и тихонечко удаляется.

— По-человечески самореализоваться вздумал, ишь чего, — бормочет он, качая головой. Рога задевают ветки, и за шиворот монстру сыплется снег. — А с волчьей сущностью что делать собрался? Ох уж эти городские оборотни... Собственную душу в чемодан не запрешь и на антресоли не засунешь пылиться до лучших времен. — Тут он оборачивается на особенно залиvistую арию. — А через пару дней я к тебе звуко-режиссера одного знакомого приведу, будешь альбом записывать.

Но волк его не слышит, да и звуко-режиссер ему, в общем-то, без надобности. Волк поет луне — и луна благосклонно слушает.

По-волчьи, со всей душой, самореализоваться куда проще, оказывается.